

А. А. Лиханов¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ЗАБОТА ВЗРОСЛЫХ О СУДЬБАХ ДЕТСТВА

1. В сущности, всякий серьезный диалог о настоящем и будущем должен начинаться и завершаться простым вопросом: для чего и для кого мы существуем? По-человечески, обыденно мы должны заботиться прежде всего о детях и стариках. В историческом смысле — о прошлом и будущем. А мы находимся между двумя этими полюсами.

Основная энергетика любой цивилизации и культуры, несмотря на декларации, учения, объяснения, войны и умиротворение, кризисы и подъемы, во всех общественных стратах с разной степенью возможностей (экономических, социальных, нравственных) тратится не на себя (точнее, не только на себя), а на прошедшее и будущее. И в этом заключается большой смысл, подсознательное стремление цивилизации продолжать жизнь — собою и своими детьми. Но получается по-разному.

2. Что касается России, ее казенной политики, то я всю свою жизнь поражаюсь явно выраженному непризнанию приоритета детства. Когда хотят о чем-то отчитаться, вначале всегда следуют сообщения о квадратных метрах и кубометрах, суммах и процентах, размерах, расстояниях — словом, о любых параметрах, и только потом, в последнюю очередь, вспоминают о пресловутом «материнстве и детстве» (при подзабытом отцовстве) как о некой тяжкой, тянущей вниз необходимости.

Удивительно! Ведь логика продолжения жизни связана с рождением человека. Точнее — с предпосылками благополучного рождения, что, увы, отсутствует или действует ненадежно. Любой экономический и социальный прогноз, тесно связанный с политическим решением, должен начинаться с простой арифметики: сколько у нас сегодня детей? Сколько из них и в каком качестве достигнут «взрослости»? Какую судьбу мы уготовили им через 15–17 лет? Как и кому они станут нужны и на что будут способны?

Назовем этот вектор мысли и практики привычным, простым, экономически и социально отработанным, потому что *так было* многие годы, и, видимо, *так надо* мыслить впредь. К этому подводит нынешняя невнятность развития именно этой части социума.

В *привычном* отношении к детству «*расчетность*» и *осторожность* выходят на первый план. Практика последних двух десятилетий показывает, что так называемая реформаторская разрушительность наибольшего успеха, то есть разрушительности, достигла именно применительно к детству, а в конечном счете к государству.

Чтобы «ударить» по детям, достаточно выбить почву из-под ног родителей: снизить зарплату, повысить цены, лишит работы, закрыть заводы (точнее, *позволить закрыть* вновь объявленному частнику, за которого государство не отвечает, но берет с него налог, если этот частник доходен).

Еще недавно российская семья зарабатывала немного, но квартплата была низкой, детсад доступен, обучение школьное и высшее, лечение бесплатное. И нация, не ставя цели обогащения, *могла себе позволить* одного-двух, реже трех детей, обеспечивая элементарное демографическое воспроизводство. Но когда этого лишают целый народ?

Посмотрите результат. В общей возрастной структуре населения в 1991 году было 40 152 440 детей. В 2008-м эта цифра составляет 27 млн. По данным статистики, в 2007 году население России насчитывало всего 142 млн 221 тыс. че-

ловек, из них граждане «моложе трудоспособного возраста», то есть дети, составляли 22 755 360 человек, или 16 %.

Как можно определить «усушку» и «утряску» детского населения за 17 лет? «Потерю» 13 млн детей в первом отчете и 17,3 млн во втором? Эту воочию явленную данность можно назвать *необъявленной войной детству*, завершающуюся позорной победой самих над собой.

Сколько мудрости заключено в пушкинской фразе: «Народ безмолвствует». Он, безмолвствуя, бедствуя, лишаясь работы, теряя уверенность, социальную (материальную) и прочую (медицинскую, образовательную, культурную опору), пьянствуя, рожая в безбрачии и разводясь при первом скандале, не по дням, а по часам утрачивая нравственные устои, стыд, совесть и надежду, — потому как видит вокруг, сверху донизу, «блистательные» образцы воровства и коррупции — в конце концов приходит к главному и трагическому решению — *отказывается рожать*. Молчаливо отказывается продолжать себя. Речь идет не о каком-то недостатке, пустяке, малости, но о неслышимом стоне России, о плаче нерожденных детей — самом негромком, но наиболее существенном признаке самоуничтожения.

Существует понятие «точка невозврата». Справедливо спохватившись, власть придумала материнский капитал, который в отдаленном будущем можно будет присовокупить к материнской пенсии, а теперь оплатить им жилищный кредит. Кто откликнулся на призыв? В этом рассказе, если он будет честным, мы услышим немало грустного. По этническому статусу, как известно, в настоящее время в России учет не ведется. Возникает много других недоумений: почему нельзя потратить деньги, если они нужны на лечение ребенка? Впрочем, напрашивается и другой вопрос: почему вообще стало необходимо платить за лечение детей?

При скорее пропагандистской, нежели социальной идее материнского капитала, полезном решении, но слишком микроскопическом и явно не решающем проблему, «точку невозврата» в 13–17 млн детей мы прошли. Капиталами, пусть даже гуманными и полезными, столь глобальную массу «нерожденных» с одной стороны и «выросших» — с другой не восполнить.

Это означает только одно — нужна новая политика и практика, не только узкая, отраслевая, называемая «материнство и детство», а всеобщая, повышающая благосостояние нации. В сущности требуется новая социальная реконструкция, и страна располагает для этого целой армией здоровых экономистов, социологов, политологов, но их почему-то никто не слышит. Не только для меня очевидно, что число детей убывло *катастрофически*. Эта убыль не может быть восполнена обычными мерами и всевозможным социопиаром. Она может быть компенсирована заботой, прежде всего *о родительстве*, «выравниванием» социального статуса миллионов граждан (если не полной ликвидацией социальных порогов между богатыми и бедными, то экстренным сближением этих уровней, даже принудительным). Без силы здесь не обойтись. Я говорю не про «отнять и поделить», а про социальную справедливость, политическую волю и, если хотите, применение этой силы воли для спасения России, ее детства, без которого в скором будущем не останется и «взрослости».

3. Следует сказать несколько слов о векторе «детской» мысли, практике не привычной, а *экстремальной*, которая помогает анализировать данность, то, что есть, но, как правило, не явилось само по себе, а является продуктом развития социальной практики.

¹ Академик РАО, писатель, председатель правления Российского детского фонда, директор Научно-исследовательского института детства Российского детского фонда, президент Международной ассоциации детских фондов, почетный доктор СПбГУП.

Между прочим замечу, что в силу развития нынешней ситуации почитаю Александра Сергеевича Грибоедова с его «Горем от ума» самым современным сочинителем. Чего стоит одна его фраза о смешении «французского с нижегородским»! Это поистине исторический диагноз российского (может быть, врожденного) лизоблюдства и низкопоклонства.

Существовавший в стране родительский — да и учительский! — мир помог выучить целые поколения грамотных людей, возвысивших державу до Космоса, ядерного синтеза, научных достижений, прежде на Руси невиданных. И вдруг кому-то захотелось, чтобы российские дипломы признавались Западом. Но разве Запад что-нибудь когда-либо предложил России бескорыстно? Замысел привлекательно прост: если хотите, чтобы ваши дети служили в парижках, разделите общий вузовский результат на два уровня — магистрат и бакалавриат, а школьные знания сведите к компьютерному измерению под названием ЕГЭ. Чем не блистательная иллюстрация смешения «нижегородского с французским»? Без всякой государственной нужды в школе искусственно был внедрен Единый государственный экзамен, на котором проверяются не знания, а выбирается правильный ответ. Эти «потуги» сразу привели к позорному результату.

В 2008 году экзамен сдавали (закончили школу) 1 097 690 человек. «Двойки» по литературе получили 25,3 %, или 277 715 человек, по математике — 23,5 %, или 257 957 выпускников. «Стобалльников» (то есть отличников) по разным (но не всем) предметам всего 989 ребят во всей России! По русскому языку — 620 человек, по математике — 62, по физике — 86, по химии — 42, а по иностранным языкам — ни одного!

Вывод прост: современная система образования уже создала в России неграмотное, кое-как обученное поколение. Я не говорю здесь о воспитании, потому что за него никто не ответствен: в России теперь работает не Министерство просвещения, а Министерство образования!

Вопрос: зачем, с какой целью был введен ЕГЭ? В-первых, отличников, особенно по естественным и точным дисциплинам, из России Запад и так «переманивает». Во-вторых, результаты ЕГЭ свидетельствуют, что полуграмотная молодежь из России станет востребована на Западе не на передовых рубежах науки и техники, а в лучшем случае в сфере obsługi, чему свидетельство — множество драматических автобиографий. В-третьих, почему, имея когда-то лучшую школу в мире, Россия стала подстраиваться под западные стандарты, а не Запад — под наши?

Здесь возникает основной непростой вопрос: где в России пригодятся сотни тысяч этих «полузнаек»? В торговле, менеджменте, милиции? Но ведь это сферы не созидательные, не производящие, а исполняющие обмен или в лучшем случае надзор. Как же станет выглядеть держава меняя, пусть и оптовых, да бюстителей порой неизвестно чего? С кем и в чем она сможет состязаться?

Здесь в самую пору вернуться к *привычному* вектору детской политики, которая вполне недетская. В начале 2009 года, после признания кризиса, стали слышны возгласы властей предрежащих, которые, впрочем, априори за все это отвечают. Мэр Москвы озаботился проблемой: множество выпускников столичных вузов ходят безработными. Но куда смотрели пять лет назад, когда этих ребят принимали в студенты? Нельзя было посчитать, что произойдет, когда они окончат вузы и станут специалистами? Оказалось, нельзя, вузы брали, берут и будут брать столько студентов, сколько придет абитуриентов (на платные отделения). А бюджетные места в общем хаосе — и экономическом, и политическом — планировать тоже некому. Получается, и в этом вопросе власть далека от принятия простых мер — спрогнозировать заранее, что станет

с подрастающими детьми в обозримом ей будущем. Прогноз вообще самое слабое место нашей государственной практики.

4. Школьный выпускной — первый итог для всякого человека. Как бы ни были бедны или, напротив, состоятельны родители, перед выпускником — может быть, именно в этот день — встает лично к нему обращенный вопрос: что ты можешь сделать сам? Честно говоря, этот вопрос для многих уже запоздал. По каким позициям?

В нынешние времена слабые знания, неразвитость, отсутствие интереса к учению, выход на первый план мнимых целей, несущественных знаний и поверхностных интересов завладевают человеком очень рано. На мой взгляд, если раннее школьное детство обычных детей еще можно спасти (но к этому спасению надо школе в частности и государству в целом вложить много прямых инвестиций), то начиная с 5-го класса, когда дети вступают в период отрочества, а затем юности, следует уже не строить душу, а перестраивать ее, капитально «ремонттировать». При этом хорошо известно, что капремонт всегда дороже нового строительства.

Про состояние здоровья школьников давно и много говорится профессионалами из области здравоохранения. Дети, учась в школе, теряют зрение, физически становятся не сильнее, а слабее. Культ физической культуры и спорта в массовых школьных формах «покинул» образование, уступив место повсеместному курению, потреблению слабого алкоголя («Кто за Клинским?»), созданию нивелированного сознания стандартности, сознанию толпы, наконец токсико- и наркомании (долгое время в СМИ указывалось, что 3 млн школьников хотя бы раз попробовали наркотики). Какова эта цифра сейчас?

Еще одно подлинное, но замалчиваемое бедствие, так сказать, массовая «кинновация», — преждевременный секс. Школа под влиянием западных стереотипов не восстала против раннего секса, а принялась за предупреждение школьной беременности, контрацепцию. Иные головы предлагали устанавливать в школах западные автоматы с подобными средствами! Дескать, с сексом бороться бесполезно, так давайте предупреждать школьную беременность, аборт и их неприятные последствия.

Все «сдали» взрослые — и национальные традиции, и русскую нравственность, и православное целомудрие! Понадобилось не такое сильное боевое давление противника, чтобы многие — и родители, и учителя — предательски покинули «окопы» чести и морали, уступив место — чему?

Эти уступки носят не только этический, но и экономический характер, развивающий внутреннюю неустойчивость, способствующий утрате смысла самостроения, самовоспитания, заниженной ответственности перед собой и окружающими. Малый социум — семья и школа — слишком легко смиряется с непутевостью, слабостью как в труде, так и во взглядах подрастающего дитя.

Физическая близость, чаще всего неразборчивая, бытовая, стала данностью молодой части общества. Не только юношество, отрочество, но и дети включены в эти соблазнительные «труды», полагая, что учатся взрослости.

Приведу характерную цитату из доклада о положении детей в Российской Федерации Минздрава России (2006): «Ежегодно в России погибают 15 тыс. несовершеннолетних в возрасте до 14 лет, из них 50 % умирает от неестественных причин, и более 2 тыс. становятся жертвами убийства или тяжелых телесных повреждений». И далее: «В 2004 году на территории РФ зарегистрированы свыше 50 тыс. преступлений, связанных с насильственными действиями против несовершеннолетних. 6 тыс. стали жертвами преступлений, связанных с действиями сексуального характера: 2091 ребенок изнасилован,

2103 подверглись насильственным действиям сексуального характера, 1086 — развратным действиям».

Данные из последнего обращения президента Д. А. Медведева: в 2008 году жертвами насилия стали 126 тыс. детей, в результате погибли 1914 ребят, 2330 детей «подверглись насилию» и «получили тяжкий вред здоровью». За 9 месяцев 2008 года зафиксировано 784 случая «сексуальных действий» против несовершеннолетних. Заметим: это только зарегистрированные, выявленные случаи. 12,5 тыс. детей находятся в розыске. Это значит, что многих из них не найдут никогда.

За последние годы, как свидетельствуют некоторые документы, количество «действий сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста», увеличилось в 30,8 раза (по сравнению с чем?), «развратных действий» — в 3,6 раза, «изготовление и сбыт материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних» — в 10 раз (в сравнении с чем?). «Количество только выявленных фактов вовлечения несовершеннолетних в занятие проституцией» возросло в 11,8 раза. Как утверждает Министерство внутренних дел, количество сайтов с детской порнографией увеличилось почти в треть, а «количество интернет-материалов с детской порнографией» — в 25 раз. Следует спросить у МВД: может, не считать это надо, а просто уничтожить? Чего не хватает для этого: сил, компетенции, приказа? По оценкам независимых экспертов, число подобных «грязных» ресурсов достигло более 300 млн веб-страниц. При этом средняя посещаемость одного сайта составляет около 30 тыс. человек в месяц!

А что можно сказать о детской проституции, торговле детьми для тех же целей, добровольной «развратности» детства? Кто и как очертит эти границы? Мой знакомый доктор медицинских наук, один из светил детской невропатологии и одновременно священник, глава душепопечительского центра при Крутицком Патриаршем подворье отец Анатолий (Берестов) утверждает, что недозволенный, ранний секс не просто грех, но очевидное разрушение человеческой органики. Такой человек, в сущности совершенно еще не устоявшийся, теряет целостное восприятие мира, смотрит на окружающее псевдо-взрослым циничным взором, видит только плохое и ждет только его.

Детский секс приводит к задержке или остановке психического и интеллектуального развития, сосредоточившись лишь на своей узенькой псевдоцели. Это обуславливает, так сказать, побочные последствия: секс всегда связан с курением, выпивкой, свободой слововыражения и в конечном счете с примитивизмом сознания. Еще неустоявшийся организм — и физиологически, и психически, слабый телом и духом, — всю свою энергетику тратит на интимный акт. Его сознание посвящено преждевременной цели, а духовная работа, интеллектуальное развитие сокращаются, снижаются, вообще исчезают. Это происходит сплошь и рядом. Важная часть жизни человека, начавшаяся слишком рано, до естественно наступающей зрелости, выматывает его, не дает накопиться взрослой энергетике, тратится попусту и «опрIMITивливает», оглуляет личность, делает ее мельче, грубее, примитивнее.

Не слишком ли много внимания я уделяю этому непубличному фактору? Нет! Ведь если речь идет о целой генерации, можно доказательно утверждать: ранняя греховность опрошает, выхолащивает огромные человеческие пласты, которые теряют свою историко-генетическую самоценность, не интересуются, кто они и зачем явились в этот мир. Это поколение жрущих, пьющих и немало требующих *homo sapiens*, органически созданного быдла, о котором кое-кому так мечтается за рубежами, да и в рубежах нашего милого отечества. Пьющие, жру-

щие, бездумные и бесчувственные соискатели «хлеба и зрелищ» — это всегда только услуга кого-то, но не здоровая нация, полная энергии и желаний продолжить добрые дела предков во имя упрочения Отечества!

Всякая массовая нравственная аномалия всегда таит в себе экономическое фиаско. Великое множество потребителей, ложно сориентированных, невысоко парящих «птиц» ненадежны по всем параметрам: им недоступен высокий профессионализм, достойная цель, они неспособны «цементировать» собой семейные отношения — помогать, прощать, улучшаться.

Наивно полагать, что это неуправляемые процессы. Напротив, они сверхуправляемы. Осознание этого обстоятельства вызывает естественный человеческий протест. Чья-то цель — сделать страну державой дураков — почти осуществилась, и процесс этот занял немного времени. Происходящее — безусловно осознанное, хотя уже не всегда управляемое действие. Некоторые начала неуправляемости дают раскрутиться псевдосистеме. Сила инерции набирает мощь, уничтожающую и ломающую все на своем пути. Настает момент несоответствия ложной практики созидательным целям и конструктивному смыслу государства.

5. Однако вернемся к детям «экстрима», к тем, кто явлен к жизни, но какой? Каково *качество* русского детского мира объемом в 27 млн душ?

На сегодняшний день в России проживают 800 тыс. детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения. Пересекая черту 18-летия, возраста взрослости, дети-сироты становятся взрослыми-сиротами, и наша социальная система освобождает себя от заботы об этих людях. За последние 20 лет число ежегодно вновь выявленных сирот и детей, лишенных родительского попечения, составляет примерно 2 млн.

В стране 700 тыс. детей-инвалидов. Большинство из них остаются в семьях, и тогда уровень благополучия такой семьи резко падает, хотя они и так находятся в зоне бедности. Передача маленького инвалида в интернатное учреждение при всех усилиях не самого лучшего персонала и крупных государственных затратах малоэффективна.

В России существует мощная система специальных (коррекционных) школ-интернатов, как назвал их один сочинитель — «школ для дураков». В 2006 году насчитывалось 1342 таких заведений (из них 232 — для детей-сирот) и в них проживали 157,2 тыс. детей, в том числе 24,5 тыс. детей-сирот. Огромная, тяжелая, дорогостоящая и печальная обязанность государства! Но какая же необходимость кроется в ней! Дети, которым справедливо, по диагнозу или хотению взрослых навесили ярлык — ЗПР (задержка психического развития) — навсегда получают приговор и априори не могут подняться со дна! В этих школах детей кормят, поят, одевают, кое-как за ними присматривают и ждут, когда их выпустят или в какое-никакое ПТУ (где они?), или в следующую богадельню — уже для взрослых.

Здоровье (нездоровье) детей, наверное, самый болезненный признак здоровья (нездоровья) страны в целом, включая любые ее возможности и надежды. Но если у нас осталось 27 млн детей, что означает статистика, по которой в 2006 году было зарегистрировано больных детей от 0 до 14 лет с диагнозом, *установленным впервые в жизни*, — 37 млн 388 тыс., а подростков 15–17 лет — 7 млн 593 тыс.? Эта статистика отражает детскую заболеваемость: у одного ребенка в течение года может быть *впервые в жизни* зафиксирован не один диагноз, а два-три-четыре... сколько еще?

Что касается заболеваемости детей вообще, то в 2005 году было зафиксировано нездоровых детей от 0 до

14 лет — 36 млн 837 тыс., а 15–17 лет — 7 млн 730 тыс. В 2004 году — 36 млн 471 тыс. (первая группа), 7 млн 802 тыс. (вторая). В 2003-м — 37 млн 118 тыс. (первая), 7 млн 802 тыс. (вторая). В 2000-м — 38 млн 225 тыс. (первая), 6 млн 621 тыс. (вторая).

Конечно, часть детей от каких-то заболеваний излечилась. Но ведь постоянно прибавляются те, у кого выявились диагнозы впервые в жизни. И несмотря на то что почти каждый малыш переносит немало «естественных» болезней, общая статистика просто уничтожающая: *нация больна с детства!*

Несколько слов о детях, проживающих в малоимущих семьях. В 2002 году число таких детей до 6 лет составляло 2,1 млн человек, от 7 до 15 лет — 5,8 млн. Статистики по учету детей 16–17 лет из подобных семей не существует. Сократилось ли число малоимущих семей за прошедшие годы? Можно определенно сказать — выросло. Почему оно выросло: в связи с кризисом, из-за безработицы родителей?

Число несовершеннолетних, состоящих на учете в милиции, в 2002 году составило 363,2 тыс., из них до 13 лет — 81,5 тыс., 14–15 лет — 133,6 тыс., 16–17 лет — 171,3 тыс. Число осужденных несовершеннолетних — 88 334 человек. Отчаянные дети, называемые несовершеннолетними людьми, совершили 2 526 305 преступлений.

О беспризорности сегодня почти не говорится. Дети, которые попрошайничали у вокзалов больших городов, как будто исчезли: их рьяно «отлавливает» милиция, передают во временные приюты, потом отправляют по месту жительства, и кругооборот повторяется. Но ведь и дети чему-то учатся. Беспризорность обрела скрытые, часто камуфлированные формы. Статистические показатели на эту тему звучат приглушенно, а число задержаний несовершеннолетних составляет 1–1,5 млн в год.

Приведу показатель, говорящий сам за себя: в 2007 году в 3358 учреждений, специально созданных для социального обслуживания семьи и детей (приюты, кризисные центры для родителей и реабилитационные центры для детей) обратились и были обслужены 11 923 624 человека. В 2007 году в школах по разным причинам не обучались 21 223 ребенка: от состояния здоровья, материального положения до необучаемости (это при великой русской школе коррекционного образования). Впрочем, в 2003 году таких детей было 40 579 человек.

Возвращаясь к беспризорным, укажу данные публичной статистики. В 2007 году в лечебно-профилактические

заведения было доставлено 58 304, в 2006-м — 64 361, в 2005-м — 65 587 детей. Подавляющее большинство было госпитализировано. Поправившихся — 321 ребенка (2007) — отправили в центры временного содержания несовершеннолетних МВД (то есть преступивших черту), в учреждения здравоохранения продолжить лечение — 9198 (2007), умерло 111 человек. В этой статистике имеется любопытный раздел: «прочее». В «прочих» оказались 48 714 детей (2007), 52 679 (2006) и 53 423 (2005) Это те, кто ушел на волю продолжать беспризорничать, выбыв из сферы внимания государственных органов.

Все эти обстоятельства порождают нестабильность детства — его неуверенность в бытовом пространстве, в близком и отдаленном будущем, особенно при введении платных медицины и высшего образования и почти полном отсутствии среднетехнического образования, разнообразных профтехучилищ и техникумов, которые, не закрывая двери в вуз, давали достойный оптимум в качестве перспективной рабочей профессии, для сирот и вовсе спасительный.

6. Если сложить количество детей, пребывающих в состоянии нестабильности и прямой депривации, то по самым скромным подсчетам получается около 10 млн (из 27 млн детей). Десять миллионов людей, только начинающих жить и не имеющих твердой надежды в собственном будущем.

Что это? Вопросы политики? Безусловно! Вопросы образования и воспитания — всего того, что прежде справедливо называлось просвещением. Это слово содержит такое важнейшее понятие, как цель молодой жизни, ее смысл.

Вопросы экономики? Но какую экономику можно построить, если ее строители, исполнители, работники — люди без смысла и знания, без семьи, с преступным началом и просто больные — пассивные потребители экономики, которых нельзя бросить?! Экономика без людей немислима — это аксиома, без людей слабых — слаба, без грамотных — примитивна.

Но ведь люди, слабые и сильные, приходят во «взрослость» из детства. Ясно, что детство — важная часть не только экономики, но и сегодняшней практики и завтрашней истории государства, всей российской цивилизации.

Чем больше вложишь в детство, тем больше от него получишь. Доходов или убытков. Славы или бесславия. Взлетов или падений. Инвестиции в детство — первое и краеугольное условие развития.